

2-й специальный выпуск, посвященный V Международному русско-грузинскому поэтическому фестивалю

ЭХО

14 июня 2011 г. в конференц-зале Культурно-просветительского союза "Русский клуб", уже после завершения V Международного русско-грузинского поэтического фестиваля, прошла встреча с поэтом из Баку Алиной Талыбовой. В мероприятии, состоявшемся по инициативе "Русского клуба" и проведенном совместно с лито Молот О.К. и Ассоциацией литераторов АБГ, приняли участие заместители председателя Союза пи-

сателей Грузии Владимир Саришвили - Президент Ассоциации литераторов и культурных деятелей "Новый современник" и Давид Шемокмедели - председатель всегрузинского общества имени Шота Руставели, член Союза писателей Грузии Людмила Орагвелидзе, поэт Паола Урушадзе, филолог Анна Налбандян, драматург Александр Мейпариани, критик Михаил Размадзе и другие.

Гостя прочла и уже хорошо знакомые тбилисцам, и совершенно новые, посвященные Тбилиси стихи.

Предложение Михаила Размадзе, прозвучавшее в завершение встречи, - считать Алину Талыбову почетным поэтом Тбилиси, - было встречено бурными и продолжительными аплодисментами.

Встречу вел председатель Ассоциации литераторов "АБГ" Михаил Ляшенко.

ГОСТЬ

Алина ТАЛЫБОВА (Баку)

Коренная бакинка Алина ТАЛЫБОВА - преподаватель английского языка и литературы - в профессиональной литературе присутствует со второй половины 90-х годов прошлого века.

Член Союза Писателей и Союза Журналистов Азербайджана, заведомом поэзии журнала "Литературный Азербайджан".

Помимо оригинальных стихов, публикует переводы из азербайджанской, английской и американской современной и классической поэзии.

Автор трех стихотворных книг: "99-й год" (2001), "Притяжение небес" (2005), "Московская баллада" (2010).

Публикуется в профильных журналах и альманахах: "Арион" (Россия), "Интерпоэзия" (США), "Зарубежные записки" (Германия), "Звезда Востока" (Узбекистан) и др.

В 2009 году вошла в шорт-лист проводившегося в Германии литературного конкурса "Согласование времен".

Стипендиат Международного Литературного Фонда (2004).

Участник Третьего Международного Фестиваля (Бьеннале) поэтов в Москве (2003), Открытого фестиваля поэзии в Ташкенте (2005), IV и V Международных русско-грузинских фестивалей в Тбилиси (2010, 2011).

Принимает активное участие в организации различных литературных мероприятий, в числе которых Открытые фестивали "Поэтический Баку-2002", "Литературный Баку-2004, 2006 и 2008", проводимые Республиканским Обществом "Содружество".

Редактор и составитель нескольких коллективных сборников прозы и поэзии русскоязычных авторов Азербайджана ("Растет береза среди кавказских гор", "Я Вас любила..." и т.д.) В качестве переводчика принимала участие в подготовке и выпуске трехтомника "Азербайджанская поэзия" на русском языке (2010).

Как журналист публикуется в азербайджанской и зарубежной периодике.

КНИГА

Из сборника: Алина ГАЛЫБОВА "Московская баллада". Баку. "Мутарджим". 2010

Я заглянул в выходные данные - тираж книги - 300 экземпляров. Не густо. Но и на том спасибо. Аудитория книги, конечно, шире: это все те, кому не безразличны тревога, грусть, любовь, ностальгия автора, связанные с Москвой, ее исторической и культурной памятью, ее сегодняшней жизнью - уже как столицы другого суверенного государства. Эта аудитория, пожалуй, охватывает все просвещенное, неподвинутое и памятливые население бывшего Союза.

Сиявуш МАМЕД-ЗАДЕ. Расслышат друг друга... // Мир литературы. № 4 (47), апрель 2001. СС. 10, 11.

Посвящение одной московской прохожей

- Скажите, как пройти?..
- Простите?..
Еще раз адрес повторите.
И - странно смотрит, и молчит,
И за руку в сторонку тянет,
Смеется, быстро говорит.
- Ну да, ошибки быть не может:
Я слышу: выговор на "а",
И Вы так тянете слова -
Ведь, правда, правда,
Вы - оттуда?..
Ах, боже мой, какое чудо,
Что Вы спросили у меня
Из тысячи иных прохожих!..
Я провожу...
А Вы мне тоже
Расскажете - да?.. -
что там, как,
Про что хотите, а точнее -
Про все...

И мы шагаем с нею
В московских сумерках.
Как мокр
Асфальт,
как встречные безлики!..
На этом фоне городском
Как на полуслепой странице
Ее лицо - строка курсивом.
Она отчаянно красива
В свои - не буду уточнять
Какие лета, но поверьте:
Дай бог всем нам на повороте

Дней наших женских -
так легко
Ступать, так поднимать ресницы...

- О чем она?..
О том, что снится
Ей столько снежных лет прибой,
Вокруг колен ее кипящий,
И выводок веселых волн -
Тюленей синих,
и ревящийся
Меж них оранжевый шенок
Послеполуденного солнца,
И ветер, что кудряв и солон...

Она отчаянно скучает
По красному с горчинкой чаю,
По долгим летним вечерам
На старенькой терраске дачной.
И первый брак -
тот, неудачный,
Тот, сумасшедший, молодой,
Опять на память ей приходит...

- Вы не подумайте -
нет-нет!..
Все у нее в порядке: моден
Ее наряд. Обилен дом,
Муж-телевизионщик добр,
С детьми почти что нету споров...
Но -
им уже не снится море.
Их породивший океан -
Вот этот странный мегаполис -
Ревнив и жёсток:
не допустит
Он снов иных, иной любви...

Между забором и забором
Она проходит в шубке черной
И красном вьющемся шарфе.
Ее берет - комочком дыма -
Плывет картин
московских мимо,
Колосс на пасмурной реке
Грозит обрушиться на город...
И снова ей сжимает горло.
Она торопится домой,
Где добрый муж, компьютер, кофе,
Звонки коллег,
сыновний профиль,
Нацеленный в телеэкран
(Баскетболист и аспирант,
Он - младший, и пока что с ними.)
А старший проживает мирно
С женой и тещей на одном
Из радиусов отдаленных.
В его близняшках несмышленных

Текут уже четыре крови -
Что ж тут поделаешь, когда
Без долгих дум,
одной любовью
Замешивался тот коктейль...

Но это все - из местных тем.
А главное: что там и как там?..
Погоды - как?..
Что ставит театр?..
Здоров ли тот?.. Жива ли эта?..
Про что поют?..
Во что одеты?..
Какие игры у детей?..

- Что мне сказать,
скажите, ей?..
Что стерта дочиста, как память,
Брусчатка старых площадей,
Что тело Города на месте,
А вот душа - как бы в отъезде,
Верней - в отлете,
а верней -
Не знаю я, что случилось с ней...

Мы с нею на углу простимся.
Она поймет, что припозднилась,
В прихожей глянув на часы.
Ее окликнут муж и сын -
Она ответит.
В узких окнах
Весенний воздух сер и сыр,
И город - стыл,
и сиры бомжи...
Как с сердцем
управляться сложно
Среди пиров, парадов, тризн
Былых и нынешних отчизн!..

Не станем мы ее тревожить:
Пускай сегодня в снах ее
Чай гоняет та же дачка,
Стучит в лото,
пусть чайки плачут
Над пляжа желтой головой.
А вдалеке смеется Город,
Тот, где нам было невдомек
Делить на чистых
и нечистых...

И капли на щеках ее
Так солонь и так искристы,
Как будто Каспий
снова брызнул
Своей волною многоцветной
В ее -
до самого рассвета -
Двадцатилетнее лицо...

ОСЕНЬ В ОСТАНКИНО

Опять останкинская осень
Метет под ноги ерундой.
И угрожает ранней проседью
И злой любовною бедой.

И зябнет кожей гусиной
Пруда,
и в сумерках пустых
Хозяйски кроет мешковиной
Аттракционы - до весны.

Ее деревья, словно трубы,
Ведут сто маршей вразной.
Она в карман сует поглубже
Дворца размокший коробок.

Опять останкинская осень
Рекламы к небесам возносит.
И серый теле-минарет
На серый дождь наклеен косо -
Опять останкинская осень...

Но кто-то в сумерках дворца
Свечу высокую пронесит.
Из рам глядит Параша в проседи.
И ветер над дворцом пронесит
(- На юг, на юг!.. -
почуяв осень)
Давно отжившие сердца.

НЕЗНАКОМЕЦ

Посмеетесь или позавидуете:
В тесноте музейных времен
На диванчик, манерно выгнутый,
Мы присели с разных сторон.

И там, где кони
в чугунной просини
Темных римлян к небу несут,
Просидели мы целых восемь
Непробудных и странных минут.

Что меня так смутило, тронуло?..
Этот тонкий с горбинкой нос?
Эти смуглые веки тяжелые?..
Надо лбом - два крыла волос,

Гнутых, экс-воронных, но крепко
Приглянувшихся седине.
Лепка рук небольших и этот
Смутный свитер -
в масть седине,

Где рубец подбирался к горлу...
(Я заметила: шов - мужской.)
Плечи были неузкие, твердые,
Но в ресницы сквозило зимой.

... Есть у города переулочки,
Уцелевшие в черный день -
Гребешки, гармошки, свистульки,
Ну и прочая дребедень.

В их дворах, за больными акациями,
Год за годом, в круженье сфер
Кто-то сваливал декорации
Голосистых столичных премьер.

И ржавело, и в землю враспало,
И чернело: лозунг ребром,
Тусклый крест,
и лепнина с портала -
Неодетой нимфы бедро.

Вот и в его окне - я уверена -
Каждый год те же листья жгут
Те же дворники, крыши - теремом,
И вороны свадьбы в снегу...

А чтоб в любви меня
не заподозрили,
Я напому: лишь восемь минут.
Млечный мрамор,
чугунные розы
И экскурсий прохожих гуд.

Я была молодая, нездешняя,
И что за дело мне было, зачем
Знать о том,
кто в его сумасшедшие
Лета спал на *этом* плече?..

Это медь притворяется золотом...
Что же снова

в рассветной тоске
Обнимаю я *эту* голову
В оползающем особняке?..

В БОТАНИЧЕСКОМ САДУ

...И белый дом, и черный пруд с ним рядом,
И бесконечная, как жизнь, ограда -
А в общем, все годится для стихов.
В деревьях Ботанического Сада
Весь день идут незримые отряды
Ворон, влюбленных, белок, грибников...
Войдем и мы за юною прохладой
В деревья Ботанического Сада.

Деревья Ботанического Сада -
Различные по росту и осанке,
По цвету хвой, по выкройке листвы,
По зонам, почвам, временам рассады...
Единожды приняв гражданство Сада,
Их расовые принципы просты:
Осенним звездам лица подставляя,
На солнце щурясь из-за радуг линз,
Они бок о бок шелестят, являя
Высокий интернационализм!..

... Деревья Ботанического Сада
И сами этой осени не рады,
Цветастой, как сто тысяч петухов,
Многоголосой, как народный хор,
Нахрапистой, как олигарх в законе -
Его карманы и его ладони
Полны хрустящих новеньких соблазнов:
Поляны, травы, мусорки в алмазах
И кроны, коронованные кровью
Небесною...

И воздух так лучист,
Что даже людям кажется порою,
Что в жизни есть какой-то дивный смысл.
И нужно только знать, какой аллеей
Пройти к нему...

Деревья их жалеют.
Кивают головами им в угоду
И засыпают Сад листвой утрат.

А после в мире портится погода -
Уже всерьез, надолго.

И с утра
Деревья Ботанического Сада
Бессмысленно глядят через ограду,
Роня дождевые пузыри,
В халатиках тумана по колено,
Как смотрят сумасшедшие из плена
Беленых стен
на карнавал зари,
На вымокших "маршруток" силуэты...

И Джо Дассен поет про бабье лето.

МОСКОВСКАЯ БАЛЛАДА

...Дом убог, а хозяйка -
с норовом.
Посредине огромного города
Разбивала квартиру, как сад.
Заплетались на старых часах
Друг за дружку резные розы.
Тюль, как облако, реял в воздухе.
Потемневшие зеркала
По квартире стояли прудами,
И на всех парусах плыла,
Громохая, сверкая шарами,
Металлическая кровать.
В этих комнатах ровно в пять
Зажигали свет в октябре,
В зиму брали kota на колени.
И грациозные, как олени,
Стулья стайкой паслись на ковре.

Жизнь раскручивается,
как кино...
А хозяйка смотрит в окно.
За чугунными за воротами
Двор, заросший по самые брови.
А за воротами, через улочку,
Ей самой ровесница - булочная.
...Нет, не поедет она - решено!.. -

Ни в Печатники,
ни в Люблино!..

...Сын-то помер, а дочь укатила.
И осталось: в портретах квартира,
Кофе с запахом ячменя,
Гиблой памяти западня.
Шуб истертых роскошный хлам...
Расползается по углам
Темно-серая жабы плесень.
Репродуктор выводит песни,
Непонятные ей...
Моросит.

Жизнь, как старая лента, искрит.
И темных листьев
наносит в фортку,
И молчит мавзолей телефона.

Два отцветших павлиньих пера,
Два серебряных подстаканника,
Две пастушки на подзеркальнике -
Вот и вся королевская рать...
Но хозяйка ведет плечом:
Не заманят ее нипочем,
Никаким двухкомнатным пряником
Ни в Текстильщики,
ни в Печатники!..

Город слякоть замесит к осени.
Старый дом готовится к сносу,
Собирая себе узелок
На дорогу... Последний срок
Дан - не позже такой-то даты.
И взвивая полы халата,
Вдоль по комнатам
темным и тихим
Пролетает хозяйка совихой.
На трюмо садится, зажав
В лапах никелированный шар
И с часов облетевшие стрелки...
Сердце прыгает, словно белка,
И давленье взмывает, как лифт
На двадцатый этаж в Печатниках...

И длится жизни отжитой чара,
И потухшее солнце палит.

ОДНАЖДЫ ЛЕТОМ, В МОСКВЕ

...Ах, Таганка -
с глазами табачными
И с московскою льдинкой в крови!..
Ничего мы толком не начали
И закончили - до любви.

А запомнилось, что - ровесники,
Очерк юных и впалых щек,
И пижонский отсверк по лестнице
Потрясающе красных носок.

И рассказ про нерусского деда,
И про скорый отъезд в никуда,
И что жалко Университета...
(Эмиграций шальная звезда

Разгоралась над юностью нашей,
И быстро наполнилась темным вином
Расставаний
фатальная чаша,
Что испить было всем суждено.)

"И я скажу вам,
что виза - не главное..."

И церквушка крестила тайком
Эту очередь неправославных
Православным широким крестом.

Ах, Лето-Лето -
по имени-отчеству!..
Ах, потерянный номерок!..
Мне опять позвонить тебе хочется
И сорваться к метро на часок.

Говорят, поискать - и обрящете.
Только ездите хоть год по кольцу:
Выпал - в щелку, в пыль,
во вчерашнее
Закатился Таганки камушек...
Без него мне Москва не к лицу.

НА МОТИВ Г. ШПАЛИКОВА

... На обоях пляшут тени,
Пляшут мысли в головах.
Звонко стучают о стенки,
Словно мячики, слова.

Про базар и про метро,
Речку и аэропорт.
Бродят в строчках Тани, Лёни,
Настежь распахнув пальто.

Вьются по ветру шарфы...
И, как воздушные шары,
Улетают Тани, Лёни
В никуда до той поры,

Когда грянет в мир поэт,
Напросившись на обед -
Как сквозняк, собой продует
Анфиладу душных лет.

Разошедшись в кураже,
Он испишет весь манжет,
Тань и Леня существованье
Закрутив в лихой сюжет.

Топчется в ночи, как слон,
Дом, назначенный на слом.

И бомжует в старом парке
Все та же девушка с веслом.

И летит вчерашний снег,
И горит вчерашний свет...
Карусель в сугробе дышит,
Как медведица во сне.

Шуба-дуба-диби-ду,
Скоро я от всех уйду.
Вырезают лед кубами
В старом парке на пруду.

Дыры черные во льду,
Словно форточки в беду.
Бродит рядом век поддатый,
Напевает лабуду.

Высекаются с натур
Группы ледяных скульптур...
Дней, примерно, через десять
Парк растает поутру.

И останется от всех:
Битый лед, нечистый снег
От жар-птиц и от драконов,
От Василис и от Венер.

И от безрассудных зодчих
В этом мире - ни следа.
И точно так же, как-то ночью
Стают и мои слова.

Я спрягал их столько лет,
Строго соблюдал рецепт,
Ну а вышло: гоголь-моголь,
Ерунда и винегрет.

Шуба-дуба-диби-ду,
Скоро я во всех войду...
Молодым ледком затянет
Дыры на ночном пруду.

Стану я - аэропорт,
Речка, рынок и метро.
Буду шляться
в чьих-то строчках,
Настежь распахнув пальто.

Виться по ветру шарфом,
В небо воспарять шаром...
Рассыпаться по страницам
Легким, в завитках, шрифтом.

...А пока - поет пластинка,
Крепкий чай
в стаканах стынет,
И надкушена едва -
Шоколадкою - судьба.

* * *

... Без всякой видимой причины
Я вспоминаю почему-то
Сентябрь и двор Литинститута,
По маковку в листве утопленный,
Где стильный дворник под Платонова
Лишь делал вид, что чистит урны,
А сам творил себе шедевры,
Присев на тумбу, на коробке
От сигарет...

На фоне белой

Стены стояла в коридоре
Душа моя, слегка робея,
Сжимая папочку бумажную...
Сюда меня в году заветном
Чуть-чуть не приняли однажды -
Я благодарна им за это.
Но не по мне была тиара...
Увы, студенческий театр!
Простите, ямбы и хорей!..
Адью, голубоглазый ректор!..
Но вспоминаю почему-то
Все чаще двор Литинститута,
Где бродят по дорожкам узким
Две кошки и собака Муза.
Звучит божественная музыка
Московской осени на флейте
Бульвара вечного, Тверского.
Стоят деревья в шляпках с лентами,
Валяет пирожки в песочнице
Кудрявый дождик...

А напротив,

В скульптурной мастерской
зброшенной,

Коричневый и деревянный,
Христос взывал к звезде Полярной
И ко двору Литинститута...
И в озарении минутном
Он отпускал крылом руки
Мой тяжкий грех -
творить стихи.

ЭТЮД С МУЗЫКОЙ В ПОДЗЕМНОМ ПЕРЕХОДЕ

На виражах московских улиц
С искусством трудно разминуться:
Я помню, как в забытый год
Звучал дизелем переход.

Кололась шпильями мелодия,
И скрипку обнимал гобой.
И плакал Моцарт в переходе
Над незадавшейся судьбой.

Москва курила и спешила,
И сплевывала на ходу.
И мат на музыку ложился...
Кудрявый моцартовский дух,

Затиснутый в тугие джинсы,
Смотрел сквозь выпуклые линзы
На этот город и народ,
Что совершали переход

Свой в никуда из ниоткуда...
И думал:

*"Как, однако, трудно
Набрать достаточно монет
На суп горячий, на кроссовки,
На новый альт и на красотку,
Которой нужен теплый дом
И чтобы вдоволь было в нем
Всего-всего..."*

*Но ветер полночный,
Горячий лоб мой заморочив,
Роняет музыку впотмах
На эти скудные дома,
На быт слепой..."*

*И до рассвета
Мне подбирать музыку эту,
Руками шаря по Земле...
А через пару сотен лет
Я выгляну в окно нагое
И покурю, и успокоюсь.
И куртку, рыжую на швах,
Привычно запахну потуже,
И зачихну жабо поглубже,
Чтобы себя не выдать вам.
По пасмурнейшей из столиц
Я побреду вдоль ив и лип
К отверстой пасти перехода,
Где ждет не Муза,
но - Работа.*

*И там, презревши мат и дым,
И потный люд,
и воздух липкий,
Я полосну по горлу скрипки
Смычком отточенным своим.
И миг обшарпанные стены
Падут вот в этот самый миг,
И брызнет солнечная Вена
Из вен отворенных моих..."*

МОСКОВСКАЯ ПОВЕСТЬ

В памяти века,
под черной водой,
Шпильями вниз опрокинулся дом.
Дом не простой,
а - высотный.
Вот - на фронте высоком
Темные идолы молча сидят,
Идолы в небо пустое глядят,
Чувствуя с каменным небом
родство.

...На католическое Рождество
Снег в том году повалил,
как на праздник:

Сыпались с неба алмазы и стразы,
Все вперемежку - не различишь.
И было слышно,
как в долгой ночи
Идолы переминались на крыше.

Женщина -

стройная, гибкая, рыжая,
С льдинкой нетающей в серых глазах,
Здесь проживает полвека назад
В сонме других именитых соседей.
Мамонты-лифты,
охрана в подъезде...
(Так и задумано было притом,
Чтоб за жильцами
присматривал Дом.)

Вот отворяются двери с оттяжкой,
Ветер влетает, морозный и влажный,
В гулкий подъезд.

И выходит наружу
Вечно гостящая в чьих-нибудь снах
Женщина - стройная, гибкая, рыжая.
Прядь поправляет и щурится на
Свежезастеленный снег и сбегает
Вниз по гранитным ступенькам.

(Авто

Вот уже с полчаса как ожидает,
Нервно дрожа. Но, скажите мне,
кто

Ей выговаривать станет?..)

Включает

Город огни, и вдоль улиц она
Едет сквозь собственные афиши,
И женщина -

стройная, гибкая, рыжая,
Вслед улыбается с каждой из них...
И иностранное имя ее -
Всё изо льда,
всё на грани излома -
Стынет в неоновых буквах огромных
Над кинотеатром "Ударник"...

Но вот,
Тяжко - со скрежетом,
с хрипом, эпоха

Свой совершает круговорот.
Время поет
Дому, и ветром
в щелях его свищет...

...Женщина -

старая, странная, нищая,
Здесь проживает полвека спустя
Между других безымянных соседей.
Лифты стоят,
а охрану в подъезде
Сняли, примерно, лет десять тому.

Идолы смотрят в метельную тьму,
Окна считают - слева направо...
Молодость вышла,
давно подалась

В теплые страны пернатая Слава.
В доме ее ни детей, ни зверья,
И ни копыя -

лишь высокие стены,
Голые, как модернистская сцена,
Серые, словно потухший экран.
Шаркнуло, всхлипнуло...
Звякнет стакан...

Выпьет по столько,
добавит пол-столько,
И вот уже - кружит
по комнатам "полька",
За руки взявшись...

И с розой в зубах
В зале танцует красивая полька,
Вьюгою рыжей взметая со лба.
А за окном пропадает Москва
В снеге зыбучем...

И руки к ней тянет.
И кажется: утро вовек не настанет
(Да и не надо ему наставлять).
Свечи, бокалы, вино разговоров...
И можно тайком целоваться за шторой
И, задохнувшись, распахивать дверь
В ночь и в метель,
в темень белую, где
Станет в ущелье ночного балкона
Какой-то писатель (или полковник)
Плавить ладонями снег ее плеч...

...В доме ни спичек,
ни ламп и ни свеч.
Что же хозяйка все ходит и ищет
Меж лунных столбов,
подпирающих крышу?..
Залу впотьмах переходит,
как площадь.
Монстр-комод, подоконник на ощупь.
Всхлипнет продавленная раскладушка.
Как воротник, этот Дом ее душит.
В астме - душа,
и - не спится, не спится...
Что-то от окон метнется, как птица.
Кто там за стеклами?..
Ночь да полночь.
И ничему-то уже не помочь.
И, кажется, утро
вовек не настанет...

Снова старуха нашаривать станет
В тряпках невысшимое пальто,
Чтоб натянув на ночную рубашку,
Выдержав бой с той же дверью с оттяжкой,
В путь свой пуститься -
в ночь и в метель,
Ну, а точнее, в "дежурный" - за водкой.
Кто тротуар раскачал, словно лодку?
Кто наточил этот ветер, как нож?..
Кто с ней играет
в "дойдешь - не дойдешь"?..

...Идолу идол кивает: понятно,
Что не дойдет в этот раз ...
На обратном
Крестном, и вьюжном, и слезном пути
Ей в самом деле чуть-чуть не дойти,
А глупо замерзнуть в изножье у Дома.
Стыть, привалившись

к ступеням знакомым -
Вдруг где-то рядом послышится ей
Пень и смех,
и аккорд фортепьянный...
И сердце старухи, уже безымянной,
Билось птенцом в остывающем теле.
И темные идолы сверху смотрели.
И проносились ночные авто,
И громоздился над городом Дом.

...В повести нет ни конца, ни начала,
А все совпадения, право, случайны -
Мало ль парит над столицей душ?..
Но почему же, куда ни пойду,
Эта судьба окликает и ноет,
И тяжело по снегу ступают за мною
Идолы с Дома?..
И дышат с трудом.
И громоздится над городом Дом...

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

Вот вечер поэтический,
"на тему":
абстрактно разрисованные стены:
зеленые, с бородкой, голубки
и рыбы в смокингах шального цвета...
Накуруно, надышано, напето,
насорено словесной шелухи
вкруг столиков с подсветкой...
На эстраде
безумствуют поэты (правды ради,
приходится признать:
безумства их
до неприличия скучны и вялы.)

Пустившись как-то раз в опасный путь
меж Сциллой смысла и Харибдой формы,
они шарахаются от обеих,
ломаю мачты...

Вот - над самой бездной
за столиком с подсветкою сидит
еще одно невысшимое чадо
немыслимого века. Лоб ее
нахмурен, голова до синевы
обрита,
джинсы - узки, свитерок -
бесформен,
но остры как нож, лопатки,
и нежен - рот...
А дальше - клепки, латки,
беззвусица цепочек и колец.

Под ливнем галактических наитий
как этот детский череп беззащитен
на тонком стебле шеи...

Вся она,
как будто птеродактиля птенец -
уже не ящер, но еще не птица.

Нахохлившись, она не шевелится,
Не ест, не пьет,
и смотрит в никуда.
И кажется, что так уже сидит
все свои двадцать осеней и весен,
и зим и лет.
И будет так сидеть,
покуда не состарится...

Проносит
себя в дыму очередной Рембо
или Бальмонт
(не разобрать - темно).

...Но иногда вдруг,
разом встрепенувшись,
Она в поэтов глядится лица,
и тянется, сощурилась, к ним,
и тшится
понять их клеткот...
Вот один из них
решает вдруг прочесть ей акростих,
дыша ей в щеку, табурет приладив
к ее столу.

Хихикает некстати,
сбивается, жует все ту же строчку...
(Он пьян и зол, и век его просрочен)
Само собою, гениален он,
но жизнь - бардак,
и все вокруг - убийцы
его таланта...

Важно объяснить ей:
стихи - не рифмы фиговых листок.
"Стихи - стихия, детка!..

Стих - ого!..
Он - ураган-убийца, он - цунами,
что прет на нас сознания из-под!..
Ну, а стихий стихия - это пол,
который все, как есть, определяет,
и если вдруг малышка пожелает
расслабиться, то он тут знает всех
и все устроит -
в комнатке... за сценой...
Она сидит и смотрит,

как на стенке
зеленой, за ссутуленной спиной,
поэта тень, ломаясь пополам,
насмешничает над своим патроном...
И по лицу, что в сумраке светлеет,
понятно, что
всем бабьим существом
она его жалеет, так жалеет,
что - лучше бы ударила...
И он
с нетвердой табуретки,
словно с трона,

встает, внезапно вспомнив,
что - он должен,
что он совсем забыл, и что - дела...
И затевает тост, прощанье для,
провозглашая:

"За стихи, ...!"

...Гори, гори, звезда моя, гори
и ничего, прошу, не говори,
сжимая сердце в ледяной ладони.
Пошли младенца бритой сей мадонне -
ей пригодится...

Ну и мне пошли
чего-нибудь, что ты
считаешь нужным.

Дымится свет.

Поэтов клин все кружит
над стынущей эстрадой.

А снаружи:

Москва, ноябрь, луна, опять ноябрь,
опять Москва -
ампир и криминал.

Ночной дозор по улицам нетленным
и как всегда - направо и налево,
прямо и криво - куда ни пойдешь:

ДождьДождьДождьДождьДождь
ДождьДождьДождь Дождь
ДождьДождьДождь....

НАТЮРМОРТ

В тот позабытый, незабвенный тот
Крутого века предпоследний год
В одном из невозможных городов,
Шалея от него и от стихов,
Заполонивших город в эту осень,
И возвращаясь каждый раз за полночь
От в спину мне зевавшего метро
На свой престижный постоянный двор,
Я всякий раз ждала: вот - поворот,
Вот - до утра заснувшая аптечка,
Вот - церковка,

как каменная свечка

На площади растрескавшемся блюде...

Историей тянуло отовсюду.

Луна болталась в небе, как печать
На свитке с государевым указом,
И ночь была черным-черна,

как сговор

Боярский... А за церковкой-предтечей
Неспешно vyplывала мне навстречу,

Светясь в ночи высокими бортами,

С охраной у крутого входа-трапа,

Бессонная гостиница-корабль,

Неся на к небу вскинута носу

Державное свое наименование.

И сложное ночное бытие

Происходило в чреве у нее.

А там, на повороте от метро
Был магазин престижный антикварный,
Где среди ваз и люстр, и львиных морд
Был вознесен над ночью

Натюрморт.

Пристроившись под магазина стенкой,
Невнятный бомж просил на
прокормленье
Себе с собачкой.

(Псина предьявлялась -

Огромная, лохматая, седая,

Неловко отводившая глаза

От униженья...)

Головокруженье

Знакомств и лиц, событий, встреч и рифм

Не отпускало нас ни на минуту.

Но, несмотря на это, почему-то

День изо дня (точней, из ночи в ночь)

Как стыдная любовь,

как тайный горб,

Мне не давал покоя Натюрморт.

Тот, что сиял божью из-за стекла.

(И скалил зубы ценник -

весь в нулях.)

- Увы, увы!.. (И в третий раз - увы!..)

Не для меня художник Имяреков

Брал в зубы кисточку,

вставал к холсту,

Смотрел, смотрел в лицо его слепое...

Потом решался -

и наотмашь бил.

...И поднималась в доме кутерьма.

Зима бродила на ногах распухших

По комнатам, предпочитая кухню,

Ведя реестр на окорока

И пыльные хозяйские бутылки

Из темного зеленого стекла,

Прикладываясь к ним исподтишка,

Сметая крошки со столешниц в блюдо,

Гремя ключами медными, повсюду

Вбивая гвозди - в память о себе,

Запорошив полы в библиотеке

Метельной пастернаковской строфой...

Художник ляпал щедрою рукой

Белила на окрестные ландшафты,

Закутывая горло грубым шарфом,

На притолоки, крыльца и фрамуги.

Отказываясь от еды и сна,

Пренебрегая обществом супруги,

(Которая, по логике, должна

Присутствовать

вот в этом вот раскладе).

Он торопился, чуя близкий март,

Но жил своею жизнью Натюрморт,

Раскинувшийся на столе вальяжно,

Весь в красноватых отблесках очажных,

Уже забыв про своего творца.

И той зиме доныне нет конца...

- Увы, увы!... -

кто мне сейчас подскажет,

В какой из фантастических столиц,

В какой из улиц, за каким из окон

Сейчас благополучнейше живет он?..

С него (как, впрочем, и с его соседей)

На дно раз десять смахивают пыль.

Хозяева и гости всякий раз,

Томясь на party на очередном,

Единогласно сходятся на том,

Что в этом, несомненно, "что-то есть"

И это что-то, право, "очень мило"...

Но по ночам, когда спят даже сны,

Приблизьтесь к раме в завитках,

рискните

Вы заглянуть в него: отражены

В его стекле навек - мое лицо,

Московский ветер и крутой торец

Гостиницы, врывающейся в бессмертье,

Метро, луна и прочая, и проч.

Как, в самом деле, наша *vita brevis!*..

Но если повезет -

продлится *ars*

Мое, и я пройду еще хоть раз

По краешку строфы (когда-то лишней),

Той улочкой

меж бывшим и небывшим

(Иль только мне приснившимся -

не важно),

Вдоль тех витрин, и церковок, и башен.

И надо мной пробьет

полночный час...

...На Натюрморте догорит свеча.

ОСТАНКИНО - 2000

Привычки наши да пребудут с нами:

Храню в судьбе закладками на память

Музейные и прочие билеты.

...В ограде храма догорает лето

Последними горячими цветами.

(И женщина горячими слезами

Оплачет две любви и три романа.)

И воздух парка с примесью дурмана,

И голый Аполлон на солнцепеке.

А в воздухе снуют другие боги:

Бог хрупкой паутины,

ржавых листьев,

Бог ближних гроз

и отвлеченных чисел...

Густеют сумерки тысячелетья.

В ограде храма падают кометы.

В плазм и протуберанцев суматохе

Как скрещивались яростно эпохи:

Гроза - со снегопадом,

тело - с духом.

Рассвет - с закатом,

прошлое - с грядущим,

А голос все реет над нами:
"Я пла-а-а-чу, я пла-а-а-а..."

Чур,

всех нас -
от проказы таланта,
от маразматических корч
державы в эпоху распада,
от властных и денежных порч,
от старости жуткого грима,
и наглых гримас Полигимний,
от рака и от ностальгии,
от дома-музея, где нас,
разобранных на экспонаты,
скучая (что, в общем, понятно),
разглядывают экскурсанты
в такой же вот осени час...

И снова космический бас,
твердя о любви и возмездье,
взмывает к московским созвездьям,
и плачет -

быть может, по нас.

Памяти Р.Ф.

... У порога встречала,
Принимала цветы.
Меж других отличая,
Называла на "ты".

Мятным чаем поила,
Присев у стола.
Мне платок подарила -
И в небо ушла.

Был платок дорогуший
И красивый притом.
Розы - явно из кущей -
Распускались на нем.

Он каймой серебрился,
Бахромою играл.
Он на плечи ложился,
Словно за плечи брал.

Мы судили, рядили
За обильным столом,
Чаю в чашки цедили...
А за узким окном

Мок картонкою город
И хрипело метро,
Словно черное горло.
Тихо ржал ипподром.

Министерства спесиво
Затворялись на ключ.
Кабаки голосили...
Было душно от туч.

Ветер спал как убитый
В придорожных кустах.

Планетарий забытый,
Звезды все сосчитав,

Слепо шурился в небо,
И, по-женски нага,
Под касаньями снега
Содрогалась река.

И сквозь сумерек пепел
Мне брелось и плылось
Прямо в ночь, прямо в пекло
Тех рубиновых звезд.

Было молодо, томно,
Бедно, весело, зло.
В этом городе стольном
Мне на рифму везло.

Все - до щепки - ложилось
И в судьбу, и в строку.
... А платок тот прижился
Где-то в дальнем шкафу.

Достаю, окунаюсь
В эти розы и мак.
Вечер тот вспоминаю
На московских холмах.

И сквозь марево реет
Мне хозяйки лицо.
Разговором согреет,
Побалует винцом.

Растревожит стихами,
Телевизор ругнет...
Но опять между нами
Тот порог восстает,

За которым - разлука,
Самолетная даль.
Шуганем в дальний угол,
Словно кошку, печаль.

Расцелуемся, словно
Ровня мы и родня...
До свиданий бессонных,
Римма Федоровна.

Говорят, что есть какой-то высший смысл, особое предопределение в том, где рождается человек, какими улицами ходит в детстве, что за здания наклоняются баинями ему вслед... Я бесконечно признательна судьбе, что она назначила местом моего рождения именно этот солнечный, открытый ветрам истории город, с его уникальной разноголосицей культур, где Европа на равных соседствует с Азией, а модерн - с традиционными минаретами. Город неповторимой индивидуальности и почти магического обаяния - недаром он до сих снится ночами даже тем своим гражданам, кто покинул его много лет назад, разлетевшись по отдаленным городам и всям планетам. Я благодарна судьбе за то, что в моих самых первых снах шумело именно это, а не какое-нибудь еще море...

Откровенно говоря, я очень не люблю те потусторонние мотивы, которые сегодня присутствуют у многих пишущих буквально на каждой странице и в каждой строке. На мой взгляд, подобный неотвязный интерес всегда несет в себе что-то патологическое... Да и тема эта - слишком обоюдоострая, с которой ни в коем случае нельзя заигрывать, не рискуя искушать Судьбу.

Вместе с тем, как любой человек, проходящий все той же вечной дорогой бытия, я не могу не ощущать в себе присутствия того, что не всегда укладывается в рамки обыденных ощущений, того, что я для себя определяю как "притяжение небес", присутствия той самой тоски, тоски по высшему - Сознанию, Справедливости... На мой взгляд, вся настоящая поэзия вышла именно из этой неутолимой тоски, и вся она - один порыв, просека сквозь спутанную чащу земных времен в это - Высшее. И пока в нашей жизни присутствует вот это самое, не поддающееся никаким замерам, притяжение, этот вечный зов, не позволяющий людям окончательно опуститься на четвереньки, для всех нас сохраняется хотя бы на два гроша надежды.

Алина ТАЛЫБОВА

От автора // Притяжение небес. Стихи. Баку. 2005. СС. 5, 6.

МТКВАРДАЛЕУЛИ *

Кто только не писал о любви, о природе, о жизни и смерти, о родном городе или иных, подаренных судьбой, городах... Но приходит новый поэт и своими стихами доказывает вам, что вы еще не все разглядели, не все поняли в этой жизни, что за пределами вашего знания и воображения осталась уйма нераскрытых смыслов, красок, ощущений... Он раскрывает их вам, наполняя новым содержанием чудесное открытие Гийома Аполлинера: "Мы, кому открыта азбука метафизики, знаем, какие радости и какие страдания таит в себе архитектура портика, угол улицы, просто комнатные стены и даже внутренности коробки..."

Я говорю об Алине Тальбовой. Эти слова Аполлинера полностью приложимы к ее поэтической судьбе, подарившей ей поистине неисчислимое количество подобных бесценных поводов для радостей и страданий, а вместе с тем и сознание того, что всем этим надо поделиться, что лучшая благодарность судьбе - это удержать, выразить в стихах все, что жизнь дала тебе увидеть и почувствовать, будь то простые, на первый взгляд, события повседневной жизни или судьбоносные встречи - с людьми, стихией, городом и миром. Ее "московские баллады" - это самая высокая дань, какую может заплатить поэт городу, подарившему ему огромную радость - бродить по его улочкам, дышать воздухом его старины, общаться с близкими по духу людьми.

Тема города - особая тема в творчестве Алины. В списке ее городов главное место принадлежит, конечно же, Баку. Баку для Алины - то же, что для нас Тбилиси, город, "печать" которого столь "глубока", что, говоря словами А.Кушнера: "Словно с пальцев отпечатки, с нас его черты и складки, приглядевшись, можно снять..." В ее стихах "весь Баку" - как на ладони, с его прошлым и настоящим, которые в одинаковой степени милы и дороги ее сердцу. Старый двор, рассказы стариков-соседей о нобелевских душевых, о майском снегопаде (сколько подобных рассказов и мы слышали от наших стариков!..), о том, как варили вишню, спали на полу вальтом, и было никак нельзя "не стать законченным поэтом, той жизни заглянув в глаза..." В ее стихах и старые подъезды, встречающие надписью "Входящему - мир" (может, как и наше "Salve", слова эти были отлиты из латуни?...), бакинская жара, пахнувшая акацией, и художественная богема 20-х годов, и улицы, "выложенные брусчаткой из сердец" и женщины в продавленном шезлонге, и, наконец, великолепный, "смурный, как колова" старый троллейбус...

А как не упомянуть о двух вариантахрая на земле: рай мясника (представленный с фламандской щедростью на краски и детали), чья "безудержная нежность" обращена лишь к едокам сготовленных

им шашлыков, и рай хозяина зоомагазина, выпускающего в свою бедную обитель всех - "чужих детей и пьяниц, бомжей, влюбленных и зевак..." Параллельные миры, прошлое и будущее, мечты - все это в ее стихах воспринимается, как реальность, высокая поэтическая правда. Пересекаясь, они создают необычайно емкие смысловые и образные контрапункты. "Мир без СПИДа и газет, без лотерей и телешоу" переключается не только с желаемой картиной будущего, но и с прошедшим временем, тем старым городом, в котором чудак Губернатор "затеял сад" для будущих детей, стариков, студентов, "чтобы вечно шли прохожие вдоль узорчатых оград"... Души ушедших в жаркий день болтают ногами в городском бассейне, а Гамлет-2000 с грустью пророчествует о том, что его работы Крысолова, к сожалению, хватит еще "лет на 800"...

Цитировать можно до бесконечности. Читающий и перечитывающий стихи Алины всякий раз будет находить в них что-то для себя новое, удивительное, при каждом прочтении еще и еще раз восторгаясь неповторимой оптикой ее поэзии, богатством жизненных впечатлений, неиссякаемостью ее воображения, естественностью и многообразием форм, в которые она отливает свои "радости и страдания".

Встреча Алины и Тбилиси произошла случайно. Наша любовь к нашему городу и ее к Баку - явления одного порядка. Не всем дано любить Старый город, "город в городе", но те, кто любят, даруют ему бессмертие. Рим Катулла, Петербург Ахматовой, Москва Цветаевой... Баку для меня теперь навсегда будет связан с обликом Алины, равно как подлинная поэзия, поэзия высоких мыслей и чувств - с ее стихами.

Паола УРУШАДЗЕ

Тбилиси, 2011

Посвящение Курае

Возьми, Кура,
на память две монеты,
Но поклянись царем речным за это,
Что будешь помнить -
присно и вовек -
Мое лицо, склоненное над ленью
Твоих неповторимых завихрений...

Мутнейшая из всех знакомых рек,
Мистическая, словно откровенье,
Возьми, Кура, мои стихотворенья,
Как ты берешь отжившие листья
Дерев окрестных, камешки и соры
Тбилисских улиц...

С сердцем в вечной ссоре,
Рассудок говорит: "Забывать. Остыть."

Скатать в рулон,
закинуть вверх на полку.
На лоскуты, в изгнание, в кладовку..."

Но сердце знать не хочет ничего -
Опять качает память, словно зыбку.
И вновь течет Кура -
мутна и зыбка,
Резвится в кронах птичьих дурачье...

Над тротуаром низко пролетая,
Я ясно вижу, как вокруг растет
Тот город, где никто не умирает,
А только *виден* быть перестает...
Там, где меня зовут не мной,
а Ниной,

А дом, где трубки, книги и картины
Всегда открыт для мужниных гостей -
Профессоров, поэтов и актеров...

Где истина в застольях, а не в спорах
Рождается скорее и верней.
Где вырастив возлюбленных детей,
Я с внуками теперь гуляю в парках,
Пеняя августу, что слишком жарок,
А февралю, что ветрен и дождлив...
Расслышав слабый колокол вдали,
Крещусь на церковь, узкую, как рея,
Смотрюсь в Куру и утекаю с нею
В какие-то иные города
И измеренья... Обо мне жалея,
Мне смотрят вслед фонарная звезда,
Рассветный дворник

и грифон знакомый
(Тот, в медальоне, третий от угла...)
Но главное: я все же здесь была,
Все это обозначив словом "дома"...

... Что это за спиной?.. Двери стук?..
Иль всплеск Куры, подарком
недовольной?
Иль сердца бой -
ликующий и вольный
У бронзовых влюбленных на мосту?..

Посвящению ливню, заставшему нас на дороге в Кутаис

Дождь, как ястреб,
камнем канет
С поднебесья вниз
На притихший, на туманный
Летний Кутаис.

* МТКВАРДАЛЕУЛИ - буквально: испивший из вод Куры, по аналогии с термином "тергдалеули" - испивший из вод Терека - которым в Грузии именовались побывавшие по ту сторону Большого Кавказского хребта и, шире, приобщившиеся к культуре русского европеизма. Понятие "мтвардалеули" мы применяем к тем русским поэтам, в жизни и творчестве которых Грузия оставила заметный след.

Хлещет прямо,
хлещет косо,
Парком шелестит.
Невеличка-Маяковский
Под дождем стоит.

Ну что, горлан,
взгляни надменно
На своих гостей...
Дождь, изрешетивши стены,
Хлещет, как кастет,

В лица памятников
встречных,
Пеною кипит.
И бежит ручьем беспечным
Вдоль собачьих спин.

- Что Вам нынче снится,
классик,
Глыба и скала?..
Революции Прекрасной
Ласки и хула?..

Алый цвет ее приборя,
Лиля... сон... Париж...
И парит над головою
Ангел или стриж.

Мама, сестры... детство... лето...
Давняя гроза...
Снова небо шурит бледно-
Серые глаза.

Стайку вымокших поэтов
Прикормив с руки
Крошкой будущих бессмертий,
Зернами тоски

По грядущим постаментам...
Посреди дождя
Остается классик бедный.
Глянуть уходя:

Кутаиси... ливень... лето...
Радуги мираж,
В арке - вымокших студентов
Пестрый ералаш.

Ждет автобус терпеливый
Чуть поодаль нас -
Словно в чреве яркой рыбы
Поплывем сейчас

По затонам, по протокам
В ливневую даль.
Припадет щекою к окнам
Синяя печаль.

Власть наплакавшись,
вздыхают
Духи туч и гор.

И как будто бы стихами
Говорит шофер

В свой мобильный,
папироске
С остановкой рад...
Словно юный Маяковский,
Худ, угрюм, крылат.

Посвящение Тбилиси

"Тифлис отмечен весельем необычайным..."
А.С.ГРИБОЕДОВ

Город древний, город вечный,
Сшитый по нездешней мерке -
То ли вправду, Богу свечка,
То ли черту табакерка?..

То ли фолиант старинный,
Припорошенный веками,
В переплете из тигриной
Яркой шкуры, с описанием

Вещих снов и вечных истин...
Иль подвальчик безымянный,
Где, изломав, как пальцы, кисти,
Умирает Пиросмани

От тоски по Маргарите,
Изменившей с нуворишем...
Здесь секреты винопитья
Учат по складам мальчишки.

И серебряные горла
К небу вскинув, словно трубы,
Адресуют прямо к Богу
Словеса надежды хрупкой.

В парках утренних Булгаков
Бродит в стареньком халате,
А у ног его собака
Вздыхает о Пилате

И о прочих человеках,
Неразумных, как кутята,
Беззащитных перед ветром,
Веющим на нас из ада.

Этот город - словно фортка
В рай, исполненный магнолий,
И павлинов, томно-гордых,
И платаньей сединою.

То от слез небесных мокрый,
Он задергивает шторы,
А то воюет, как Георгий,
С огнедышащей жарою.

Одинаково крылаты
Здесь погонщики и овцы,

И святые, и солдаты,
И поэты, и торговцы.

Медный, глиняный, хрустальный,
Этот город неминуемый -
Словно ящик музыкальный,
Чей давно утерян ключик.

И нет чудесней и страшнее,
Чем, в этаж пробравшись нижний,
Малолетним сердцем млея,
Заглянуть под эту крышку.

Менуэт ударит гулко,
Глухо заворчат пружины.
Оживет на дне шкатулки
Хромоножка-балерина.

Что влюблена уже лет тридцать
В сильно пьющего актера...
В небе чертит грузной птицей
Дирижер мужского хора.

Ах, мне знакомы эти лица!..
Вот сидит в случайной чайной
С розой за ухом царица,
Одинока и печальна.

(Впрочем, как и все царицы
В этом мире, полном смутой...)
Город, как юла, кружится,
Разгоняясь поминутно.

Сохрани, веселый Боже
(Пусть и на другой планете),
Этот город, непохожий
Ни на что на белом свете.

Пусть от горестей избавлен,
Он глядит на нас оттуда -
Пьет холодный "Саперави",
Примеряет перстней груды.

Пусть гостей встречают милых,
Смерть отринув, как излишек,
Грибоедов с вечной Ниной
И десятком ребятишек.

И может быть, в необычайном
Том лазоревом веселье
И для нас, дроздов случайных,
Состоится Воскресенье.

Посвящение тбилисской прохожей

... В чаще из контор и магазинов
Мне тропинку, что к метро вела,
Указала старая грузинка
И со мною до метро дошла.

Разговор был легким и нескудным,
И вопросам не было конца...
И порхал акцент ее летучий
Легкой паутинкой у лица.

Ворожа кофейными глазами,
Летний ветер отводя со лба,
На прощанье мне она сказала:
- *Берегите, милая, себя!*..

Что такого, трещинку какую
В незнакомке встречной различив,
Женщина вздохнула, адресуя
Мне вослед тревожащий призыв?..

От чего предостеречь хотела?
А может быть, по ветру трепеща,
Аккуратно вправленная в тело,
Вдруг наружу выбилась душа?..

И вот эту девочку смешную,
С долгими ногами, с нежным ртом,
Тихо пожалела, как родную,
Та тбилиска в парке городском.

За моей смущенною спиною
До сих пор еще стоит она -
Летней шляпки кружево сквозное,
Сереброголова и стройна.

Говорит: *"Вы сами не найдете...
А мне совсем не трудно - провожу."*
Постою с душою на отлете,
Воздухом мускатным подышу.

Стану вновь выпытывать у неба:
Как же так случилось, как смоглось,
То как нас безжалостно, нелепо
Разорвало время вкривь и вкось?..

И над Летой, схожею с Курою,
По ветру развеяло, глумясь,
И стала память черною дырою...
Но опять, аккордами клубясь,

Сборный, беспородный, безымянный,
Тот оркестрик флейтами звенит,
Заглушая шины и фонтаны,
Мне опять беречь себя велит.

Посвящение непарному ангелу

Полночь лежит
при отеля пороге,
Ветер гуляет во тьме нагишом.
И витражами виднеется в окнах
Город, затерянный
в мире большом

Между парижками,
лимами, прагами...
Вспомнить, тоскую, о дальних своих:
*"Что привезти тебе?..
Может быть, ангела?..
Здесь в изобилии водятся их."*

Помню, на людном
грошовом базаре
На руки я ангелочка взяла.
"Он у меня, извините, непарный..."
Тихая женщина произнесла.

След от разлома был гипсом заплапан.
И повесть о канувшем в ночь близнеце
Слушал со мной пацаненок крылатый
С горем недетским
на детском лице.

*"Тот был со скрипочкой...
Где - неизвестно...
А может быть, все же возьмете?.."*

Грозой
Грузные тучи грозились, и грезился
В сумерках города город иной.

Где неразлучные, неразлученные,
Братья свои проживают века:
Возьются шумно с собакой ученой,
Тискают, словно ягнят, облака.

Бед сторонясь и во зле не участвуя,
Не попадаясь сомнениям в плен,
Так и растут они -
мирно и счастливо,
Не вырастая из ангельских лет.

В "фанты" играют,
в "ловитки" и в ножички,
Рай и пристройки деля на двоих.
И на ночь целует,
как дедушка, боженька
В густо-кудрявые макушки их.

Любят они по-мальчишески важничать
Перед окрестной беспёрой ордой...
Только один
станет скрипку прилаживать -
Тотчас за книгу берется другой.

Пальцем ведет
по странице заложенной,
Где буквы высокие, словно трава,
Сами собою срastутся и сложатся
В полные снега и солнца слова.

Но рухнуло время,
и город распался
На островки одиноких домов -
Век этот хищный питается мясом
Не виноватых ни в чем ангелков.

Но и сегодня,
в невнятной сумятице
Ботиков ветхих, истертых пальто
Робко белеются снежные платяица:
Этот - со скрипкою,
с книгою - тот.

Снова ведут переключку старинную
Над головами толпящихся лет.
Оба - непарные,
половинные,
Небом забытые здесь, на земле.

Все мы - увы, рукавички непарные,
Тесные туфельки с той же ноги.
Звездочки малые,
вишенки палые...
Тают на небе рассветном круги -

Видимо, только что
канула камушком
В облачко чья-то непарная жизнь.
... Ангелы в джинсиках,
ангелы в варежках,
Ангелы-снобы, поэты, бомжи...

Кто мы в эпоху
сплошного распада?..
Так, безделушки цветного стекла...
Но вздрогнешь, заметишь
на чьих-то лопатках
След ампутированного крыла...

Периодическое издание "Ассоциации
литераторов - АБГ" и лито "МОЛОТ О.К."
(Тбилиси, Грузия) <http://abg-molotok.ge>

Издается на средства редколлегии

Редакционная коллегия:

Сусанна Армянян,
Ада Джилавдарова,
Анна Шахназарова,
Дмитрий Лоскутов,
Михаил Ляшенко.

**Рукописи
не горят,
не возвращаются и не
комментируются.
При перепечатке
материала ссылка
на данное издание
обязательна.**